

В.В. Вольчик

*д.э.н., заведующий кафедрой экономической теории,
Южный Федеральный Университет (Ростов-на-Дону)*

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАРРАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Аннотация. В статье осуществлён анализ развития теории и методологии нового научного направления — нарративной экономики. Продемонстрирована связь нарративной экономики и различных течений институциональной экономики. Показано, что в рамках экономической науки принимается упрощённая трактовка понятия нарратива по сравнению с другими социальными науками. Упрощённый подход к определению нарративов связан с предметом экономической теории и операционными возможностями при исследовании экономических процессов. Обобщены подходы Р. Шиллера, Дж. Акерлофа, Д. Сноуера и П. Коллиера к определению нарративов и выделены два направления анализа нарративов: количественное и качественное. Количественный подход предполагает анализ вирусности нарративов и её взаимосвязь с экономической динамикой. Качественный подход направлен, во-первых, на выявление идей и протомоделей, с помощью которых акторы объясняют причинно-следственные связи, и, во-вторых, на анализ социального контекста как совокупности характеристик институциональной среды и поведенческих паттернов, присущих ей исторических и культурных условий. Приведён пример использования качественного подхода нарративной экономики для анализа российской инновационной системы. На кейсе нарративов о патентах показано, как их тональность позволяет интерпретировать влияние институтов интеллектуальной собственности на развитие российской инновационной системы. Отмечено, что нарративы могут влиять на трансформацию условий посредством изменения поведения акторов и мер проводимой социально-экономической политики. Анализ обобщений, полученных в ходе исследования нарративов, также полезен с точки зрения предупреждения циклического повторения функционирования неэффективных институциональных структур.

Ключевые слова: *нарративная экономика, новая институциональная экономика, оригинальная институциональная экономика, идеи, протомодели, социальный контекст, российская инновационная система.*

JEL: B52, O30, Z13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_31_46.

Введение

Возникновение нарративной экономики совпало с важными изменениями в экономическом институционализме. Эволюция институциональной экономики долгое время происходила в двух магистральных направлениях: оригинальной институциональной экономической теории (ОИЕ) и новой институциональной экономической теории (НИЕ). Каждое из них институционализировалось вокруг двух ассоциаций: оригинальный институционализм — в рамках Ассоциации эволюционной экономики «The Association for Evolutionary Economics»², а новый институционализм — вокруг Международного общества новой институциональной экономики (International Society for New Institutional Economics). В 2016 году Международное общество новой институциональной экономики было пере-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00562, <https://rscf.ru/project/21-18-00562/> в Южном федеральном университете.

² <https://afee.net/>

именовано в Общество институциональной и организационной экономической теории (Society for Institutional & Organizational Economics)³, что характеризует поворот к большей открытости неoinституционализма к другим социальным наукам [Richter, 2016].

Другим важным и знаковым событием явилось создание Мировой междисциплинарной сети институциональных исследований (World Interdisciplinary Network for Institutional Research)⁴, которая объединила различные научные школы, использующие институциональную тематику в рамках социологии, политической науки и экономической теории. Однако развитие институционализма всё же значительно отставало от традиционных для экономической науки неоклассических направлений, составляющих мейнстрим. Поэтому обращение двух нобелевских лауреатов к тематике нарративной экономики стало знаковым в плане имплицитного (и, возможно, в обозримом будущем эксплицитного) влияния на будущее развитие институционализма.

Почему развитие нарративной экономики может быть полезным для институционализма? Ответ на этот вопрос содержится в самом генезисе нарративного подхода в экономике. В 2016 г. вышла статья Дж. Акерлофа и Д. Сноуера «Хлеб и пули». В этой статье авторы обратили внимание на то, что экономисты игнорируют исторические, политические, культурные, то есть социальные контексты в широком смысле. Сама фабула статьи строится на том, что объяснение различных аспектов экономической и иной человеческой деятельности без учёта действующих на момент социальных взаимодействий правил, рутин или институтов страдает упрощениями, которые затрудняют понимание. Ключевой пример советской экономики, анекдот о которой и дал название статье, показывает, что именно необходимо для комплексного понимания, — это информация о том, что говорят современники. И источником такой информации являются нарративы.

Надо признать, что в рамках оригинального институционализма долгое время уже использовались качественные методы для выявления действующих правил, которыми руководствуются акторы при осуществлении повторяющихся взаимодействий. Также активно использовались другие методы, позволяющие исследовать дискурсы акторов, например, метод включённого наблюдения [Rutherford, 2012]. Однако нарративная экономика значительно расширила круг возможных источников качественных данных, которые могут быть использованы в анализе. Акцент на вирусности и влиятельности нарративов позволил шире использовать количественные методы для решения вопросов о распространении тех или иных правил и идей, связанных с институтами.

Теоретические концепты нарративной экономики

Представители нарративной экономики значительно упростили подход к самому определению понятия нарратива. Это прежде всего связано с тем, что, в отличие от гуманитарных наук, таких как лингвистика и история, в экономической теории необходимо понятие, которое можно с успехом использовать при анализе повторяющихся социальных взаимодействий.

В социальных науках после «нарративного поворота», который произошёл на рубеже XX и XXI веков [Kreiwirth, 1992; Лехциер, 2013], понятие нарратива стало использоваться широко, что иногда приводит к трудностям в коммуникации между областями знания. Более того, понятие нарратива начало использоваться как синоним любых качественных данных, полученных при анализе глубинных интервью [Кутковая, 2014]. Также в социальных и гуманитарных науках нарративы рассматриваются через призму использования

³ <https://www.sioe.org/>

⁴ <https://winir.org/>

людьми для придания смысла их опыту, что позволяет отслеживать взаимоотношения между индивидуальными историями и культурными нарративами [Dwyer, Emerald, 2017].

В экономической науке при использовании понятия нарратива потребовалось сформировать своё видение, отличительное свойство которого вытекает из понимания предмета дисциплины. Можно сказать, что экономисты рассматривают нарративы как источники знания о том, как различные социальные явления влияют на индивидуальный выбор. Именно наличие проблемы индивидуального выбора позволяет отнести исследовательскую проблему к сфере экономической теории [Krugman, Wells and Olney, 2011. P. 35].

Родоначальники нарративной экономики Дж. Акерлоф и Р. Шиллер впервые обратились к проблематике историй и нарративов в своей книге «*Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой*»: «Человеческий разум создан так, чтобы мыслить в терминах нарративов, последовательностей событий с внутренней логикой и динамикой, которые предстают как единое целое. В свою очередь, большая часть человеческой мотивации проистекает из истории нашей жизни, истории, которую мы рассказываем себе и которая создает основу для мотивации» [Akerlof, Shiller, 2010. P. 51]. В данном определении нарративов мы можем выделить несколько их свойств: целостность, последовательность событий, внутренняя логика и динамика в их изложении. То есть, рассказывая историю, акторы инкапсулируют некоторые важные для них события, логически их связывают и интерпретируют, что позволяет получить и транслировать индивидуальное понимание происходящих процессов. И на основании этого понимания формируется мотивация для совершения экономических действий и выборов.

В дальнейшем в своей статье Дж. Акерлоф и Д. Сноуер с успехом применили концепт нарративов для анализа процесса принятия экономических решений. В самом начале статьи они дают очень лаконичное и общее определение: «“нарратив” как последовательность причинно-связанных событий и лежащих в их основе источников, разворачивающихся во времени, которые можно использовать в качестве шаблона для интерпретации нашего текущего опыта» [Akerlof, Snower, 2016. P. 58]. Далее авторы выделяют семь ролей, которые выполняют нарративы в принятии решений с позиций социальных наук (таких как социология, психология, антропология и нарратология), но не экономической науки. Именно тот факт, что в экономической науке поведение человека и его мотивация рассматриваются через призму упрощённой максимизации, и не даёт возможности получить адекватное объяснение сложных человеческих взаимодействий. Там же Дж. Акерлоф и Д. Сноуер показывают, как соотносятся нарративы и социальные нормы: «Таким образом, через нарративы люди обучаются социальным нормам, кроме того, нарративы помогают объяснить, почему мы должны следовать этим нормами, где и когда мы должны наказывать тех, кто им не подчиняется» [Akerlof, Snower, 2016. P. 59]. Именно такая трактовка нарративов делает для исследователя социальных взаимодействий институты значимыми. Более того, через анализ и интерпретацию нарративов можно получить не только информацию о доминирующих и значимых для акторов нарративах, но также знание и понимание того, какие правила связаны с конкретными нарративами.

В своей статье Дж. Акерлоф и Д. Сноуер также затронули важный аспект исторической соотнесённости нарративов и объясняемых с их помощью экономических и социальных событий. Именно историческая специфика, отражённая в нарративах, делает их незаменимыми свидетельствами и источниками качественных данных о тех социальных механизмах и процессах, которые разворачивались в рамках историй или служили для них фоном. Понимание даже недавних исторических событий, например, почему развивалась и пришла к упадку плановая экономика в СССР, очень затруднено, если пользоваться только формальными моделями и теоретическими шаблонами. Нарративы, не заменяя моделирования, дополняют его теми важными социальными контекстами, без которых картина мотивации экономического действия акторов будет неполной.

Подобный подход к нарративам, как у Дж. Акерлофа и Д. Сноуера, развивает П. Коллиер. Он рассматривает нарративы через призму качественных данных, которые дополняют непосредственные наблюдения социальных процессов: «Как таковые нарративы — это истории о реальных событиях, которые просто дополняют непосредственное наблюдение. Потенциально это лишь ускоряет байесовский процесс, посредством которого события, объединяясь, порождают каузальные гипотезы. Однако нарративы могут оказаться особенно полезными инструментами для [формулирования] обобщений, которые необходимы для прогнозирования и интервенций» [Collier, 2016. P. 8].

В другой своей работе П. Коллиер идёт дальше и подчеркивает координационную функцию нарративов через формирование взаимных обязательств, выделяя несколько их типов: «Взаимодействуя, три эти типа нарративов: принадлежности к группе, значимости обязательств и причинно-следственных связей — формируют ткань взаимных обязательств. Наши нарративы значимости обязательств воспитывают в нас идеи справедливости и верности и показывают, почему нам следует выполнять те обязательства, которые имеют взаимный характер. Наши нарративы принадлежности говорят нам о том, кто участвует в этих отношениях: взаимные обязательства действуют только в рамках определённой группы людей, которые их признают. Наши «нарративы причинности» показывают нам, почему действия, которые мы обязаны совершать, целесообразны. Вместе эти нарративы образуют систему убеждений, которая меняет наше поведение» [Коллиер, 2021. С. 65].

Именно связь нарративов с убеждениями имеет ключевую роль при анализе норм и ценностей, которые регулируют коллективное поведение на протяжении длительных периодов времени. Трансляция в обществе нарративов связана с существующими в нем нормами и ценностями: «В зависимости от конкретного содержания нарративов они могут порождать удивительно разные формы группового поведения, каждая из которых в конечном счёте поддерживается нашими общими ценностями и устремлениями» [Коллиер, 2021. С. 85].

Экономисты рассматривают нарративы очень широко, и родоначальник нового научного направления Роберт Шиллер в своей программной статье 2017 г. даёт такое определение: «Термином “нарратив” я обозначаю просто историю или просто выраженное объяснение событий, которые многие люди хотят затронуть в разговоре, или в новостях, или в социальных медиа, потому что они (нарративы) могут использоваться для стимулирования заинтересованности или эмоций других людей, и/или потому что, как представляется, они развивают личный интерес. Чтобы выполнять стимулирующую функцию, обычно на него направлен интерес человека, прямой или подразумеваемый. Я (и многие другие) вкладываю в этот термин такой смысл, что нарратив видится как драгоценный камень разговора и может принимать форму необычной или героической истории, или даже шутки». [Shiller, 2017. P. 968]. В этом определении содержится два основных элемента, которые являются краеугольными в нарративной экономике: выраженное объяснение событий, выполняющее стимулирующую функцию, и вирусное распространение таких объяснений.

Согласно Р. Шиллеру нарративы могут принимать самые разнообразные формы, например, как единицы передачи культурной информации — мемы или религиозные проповеди. Главное для нарративов, что они содержат идею или мораль, с помощью которой акторы не только выражают свое отношение к происходящим событиям, но и транслируют паттерны или протомодели, объясняющие экономические взаимодействия: «Термин «нарратив» часто используется в качестве «истории», какой-то последовательности событий. Однако слово это имеет и другой важный аспект. Нарратив — это рассказывание истории, которое придаёт ей смысл и значимость, и зачастую направлено на то, чтобы преподать урок или извлечь мораль. Будучи сравниваем с историей (story), нарратив может стать интерпретацией происходящих событий. Если говорить о нарративах в сфере экономики, нарратив может представлять собой протоэкономическую модель, доступную для понимания широкой общественности» [Shiller, 2019. P. 477].

В своей ставшей в короткое время широко известной книге «Нарративная экономика: как истории становятся вирусными и приводят к крупным экономическим событиям» Р. Шиллер приводит семь утверждений, которые можно рассматривать как первичный набросок карты и концептуальных точек для дальнейших исследований: «1. Эпидемии могут протекать стремительно или затягиваться. Сроки протекания и размах их распространения могут широко варьироваться. 2. Важные для экономики нарративы могут составлять лишь очень небольшой процент распространённого дискурса. Такие нарративы, даже будучи редко встречающимися, могут оказывать ощутимое влияние на экономику. 3. Совокупности нарративов оказывают большее влияние, чем отдельно взятый нарратив. Значимостью обладают именно совокупности нарративов. 4. Влияние нарративов на экономику со временем может меняться. Поскольку нарративы с течением времени развиваются, приобретают значимость изменяющиеся детали. 5. Для того, чтобы пресечь ложные нарративы, недостаточно одной лишь истины. Истина становится значима лишь только, если она очевидна. 6. Степень «заразности» нарративов в сфере экономики зависит от возможностей их многократного воспроизведения. Укоренение нарративов имеет значение. 7. Экономические нарративы основываются на интересах людей, их идентичности и патриотизме. Интересы, идентичность и патриотизм имеют значение» [Shiller, 2019b. P. 88–103].

Исследовательская программа Р. Шиллера по сути является междисциплинарной и очень близкой к исследовательской программе оригинального институционализма [Ефимов, 2016]. Среди семи утверждений можно выделить второе и третье о том, что даже редкие, но влиятельные нарративы могут оказывать значительное воздействие на экономику и о том, что важны совокупности нарративов. Поэтому возникает резонный вопрос, как и с помощью каких исследовательских инструментов можно выделить влиятельные нарративы и как выделить связи, позволяющие формироваться совокупностям нарративов? Один из ответов на этот вопрос содержится у Шиллера, где он описывает возможные источники нарративов для анализа. Среди таких источников он выделяет: 1) регулярные фокусированные интервью с респондентами, в ходе которых им предлагалось вести широкие дискуссии и рассказывать истории в ответ на вопросы стимулирования, связанные с их экономическими решениями респондентов; 2) регулярные фокус-группы с представителями различных социально-экономических групп, чтобы вызвать реальные разговоры об экономических нарративах; 3) исторические базы данных фокус-групп, проведенных для других целей в прошлые годы; 4) базы данных религиозных проповедей для выявления релевантных моральных ценностей; 5) исторические базы данных личных писем и дневников, оцифрованные и доступные для поиска [Shiller, 2019b. Pp. 281–285].

Потенциальные источники нарративов, которые приводит Шиллер, не являются чем-то новым, например, для социологов [Вольчик, 2021]. Однако для мейнстрима экономической науки данный подход относительно необычен и нов, что открывает значительные возможности для интеграции различных исследовательских подходов. Главное отличие нарративной экономики от социологических исследований лежит именно в предмете экономической теории. И здесь нарративная экономика вслед за институционализмом отвечает на вопрос, как идеи, ценности и правила, содержащиеся в нарративах, влияют на экономический выбор и как и с какими издержками они структурируют экономические взаимодействия.

Нарративы и идеи

Исходя из анализа концептуальных положений нарративной экономики, можно выделить два магистральных направления анализа нарративов: количественный (определение вирусности тех или иных нарративов) и качественный (выделение значимых идей и правил, которые влияют на экономическое поведение акторов).

Значительная часть работ, где нарративы рассматриваются в контексте макроэкономических и финансовых проблем, сосредотачивается на количественном подходе. Здесь важнейшей проблемой является то, как вирусность распространения того или иного нарратива связана с экономическими процессами, такими как финансовые пузыри и кризисы. Безусловно, такой подход интересен и имеет большие перспективы в свете накопления больших данных о распространении нарративов не только в средствах массовой информации, но и различных социальных сетях.

Также с помощью компьютерных программ можно анализировать различные тексты, например, законодательных органов власти, чтобы проследить связь с распространением тех или иных нарративов. С помощью компьютерного анализа текстов можно показать, как концентрировалось внимание на различных аспектах экономической политики [Ferguson-Cradler, 2021. P. 7].

Однако качественные исследования нарративов в рамках нарративной экономики составляют явное меньшинство. Заявленные в исследовательской программе Р. Шиллера источники нарративов, такие как фокусированные интервью или фокус группы, используются недостаточно широко. Более того, почти отсутствует качественный интерпретативный анализ нарративов из средств массовой информации.

При исследовании нарративов существует проблема связи ключевых слов и идей, содержащихся в нарративах. На поведение акторов влияют идеи и правила, которые могут иметь прямую и легко прослеживаемую связь с ключевыми словами, но могут соотноситься очень опосредованно через трансляцию кратких единиц информации, подобной мемам.

Смыслы и идеи, содержащиеся в нарративах, требуют большой и кропотливой работы по их идентификации и систематизации. Данная работа требует значительной включённости исследователей в сферу деятельности, которая является объектом анализа. Интерпретации правил в последующем могут стать материалом для построения объяснительных схем и моделей.

Значимость нарративов возрастает, если мы учитываем, что экономические системы являются по большей части неэргодическими [North, 2005]. В неэргодических системах из-за фактора фундаментальной неопределённости сильно затруднено предсказательное моделирование, на что постоянно обращают внимание институционалисты. Более того, в сложных системах, характеризующихся преобладающей возрастающей отдачей, возникают эффект блокировки, зависимость от предшествующей траектории развития [Arthur, 2013. P. 17], которые могут быть связаны, с одной стороны, с непредсказуемостью выбора того или иного варианта развития, а с другой — с различного рода неэффективностью использования ресурсов.

Нарративы не только отражают реально происходящие процессы в экономике, но также они могут быть связаны с классом воображаемых событий или ожиданий. То есть при анализе нарративов необходимо проводить демаркацию между вымышленными сюжетами и событиями и реально существующими фактами, отражёнными в историях. Однако воображаемые события, отражённые в нарративах в имплицитной или эксплицитной формах, основаны на существующих нормах и социальных контекстах.

Одна из важнейших функций нарративов заключается в трансляции идей. Упаковка идеи в историю способствует ее лучшему усвоению слушателями и читателями, что в итоге влияет на её распространение. Если внимательно посмотреть на знаменитое высказывание Кейнса о власти идей, можно провести определённые аналогии с нарративной экономикой: «Идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди-практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого» [Кейнс, 2007. С. 340]. Идеи потому и «правят миром», что они принимают форму упрощённых прото-

моделей или протонарративов, которая позволяет им циркулировать в обществе длительное время, значительно влияя на политические и экономические процессы.

В академической среде также циркулируют нарративы, связанные с определёнными научными школами, теориями и концепциями. Такие нарративы используются в научных дискуссиях, но наибольшее влияние они принимают, когда становятся достоянием широкой общественности и распространяются средствами массовой информации и социальными сетями. Хорошим примером такого протонарратива является кривая Лаффера, которая сопровождается выдуманной историей её создания [Shiller, 2019b. P. 41–52].

Также значимый образец влияния нарратива на теоретические построения и экономическую политику представляет собой неолиберальный нарратив. Неолиберальный нарратив начал формироваться во многом как реакция на попытки построения экономики, основанной на плановых началах [Nureev, Volchik, Strielkowski, 2020. P. 4]. Однако позже неолиберальный нарратив оброс мифами, которые стали значимым аргументом для рыночных реформ: «Неолиберальный нарратив состоит из трех основных поддерживающих мифов, которые отличают его от более ранних стадий капитализма: приватизация коллективных благ, которые в настоящее время предоставляются государством; дерегулирование промышленности; и сокращение государства всеобщего благосостояния» [Wrenn, 2021. P. 240]. Тезисы, лежащие в основе неолиберального нарратива, опасны и бессмысленны вне социальных контекстов тех или иных стран, в которых проводились рыночные реформы. Более того, неолиберализм и его нарратив всё дальше дрейфуют от принципов классического либерализма. Классический либерализм как идеал свободного рынка и спонтанного хозяйственного порядка, безусловно, является набором теоретических абстракций, которые сформировались в XIX веке. Неолиберализм также апеллирует к концепту свободного рынка, но в рамках неолиберальной доктрины существует убежденность, что эффективные рынки можно имитировать, в том числе с помощью механизмов менеджизма. Фактически менеджизм или новый государственный менеджмент, основывающийся на неолиберальном нарративе, всё больше похож на бюрократическую карикатуру: «всякая рыночная реформа, всякое правительственное вмешательство с целью уменьшить бюрократизм и стимулировать рыночные силы в конечном итоге приводят к увеличению общего объёма регулирования, общего количества бумажной волокиты и общего числа бюрократов, которых привлекает на службу правительство» [Graeber, 2015]. Устойчивость и живучесть подобных протонарративов поддерживается дискурсом интеллектуалов и учёных, что часто создаёт ореол «научно обоснованной» и «признанной научным сообществом» влиятельной и вирусной идеи.

Идеи очень важны не только в политических дебатах и процессах. Для экономистов идеи лучше всего представлять как форму причинных убеждений, то есть убеждение относительно причин и результатов, которые получают всеобщее признание на основе консенсуса элит [Тамбовцев, 2019. С. 28]. Связка между причинами и результатами очень хорошо вписывается в концепцию протомоделей, которые могут быть основой той или иной распространённой идеи. Более того, связь между породившей идею моделью может со временем быть утрачена или плохо прослеживаться.

Важной представляется связка идей и нарративов для понимания распространения и значимости идей. Нарративы или истории являются важным лингвистическим и когнитивным конструктом, который позволяет индивиду получать информацию в более удобной для понимания форме. Существуют множество исследований в нейро и когнитивных науках, которые показывают, что форма нарратива является для человека органичной и предпочтительной формой восприятия нового знания, поскольку человеческий мозг эволюционно настроен на их восприятие [Тамбовцев, 2019. С. 34]. Поэтому для того, чтобы сделать идею, норму или этическое правило лучше воспринимаемым, желательно параллельно создавать нарративы, которые будут способствовать их распространению в обществе.

В области социальных наук накоплено значительное количество теорий и научных направлений, которые исследуют нарративы. Однако в рамках экономической науки и нарративной экономики мы концентрируем внимание на возможностях нарративов доносить информацию о циркулирующих протомоделях и социальном контексте, релевантном для акторов и влияющем эксплицитно или имплицитно на экономический выбор.

В рамках экономической теории можно говорить о специфическом сторителлинге, который связан с созданием и продвижением научного нарратива, окрашенного в определённые смысловые коннотации школы или исследовательского направления. Нарративы как способ теоретической генерализации отдельных случаев используются не только в социальных науках [Троцук, 2004. С. 65], но и естественных [Аникин, Измайлов, Лячин, Пойзнер, 2019].

В рамках институциональной экономики в её оригинальной версии создание теоретических нарративов позволяет рассматривать мир с более системной, целостной и эволюционной точки зрения. Такой подход позволяет отойти от формального моделирования в сторону создания паттерновых моделей (pattern models), которые преимущественно индуктивно основаны на выделении общих закономерностей и создании рабочих гипотез [Whalen, 2021. С. 255].

Нарративы изменяются вместе с экономической политикой, проводимой государством. Можно говорить об адаптивных нарративах, которые изменяются вместе с принятием мер экономической политики. Поэтому можно сказать, что существуют определённые взаимосвязи между изменением формальных институтов, связанных с реализацией экономической политики, и нарративов, соотносящихся с проводимыми реформами [Oosthuizen, Inglesi-Lotz, 2022].

Методология нарративной экономики в современных условиях имеет значительный крен в сторону количественных методов, что вполне соответствует мейнстриму экономической теории. Однако количественные методы с трудом позволяют выполнить даже один из пунктов исследовательской программы нарративной экономики — исследовать вирусность нарративов и их влияние на различные экономические и социальные процессы.

Тем не менее остаётся важным вопрос о смысловом содержании нарративов и идей и их влиянии на поведение акторов. Решение этого вопроса требует использования качественных методов, что близко к исследовательской программе оригинального и интерпретативного институционализма [Ефимов, 2007]. Именно с помощью качественных методов осуществляется идентификация релевантных для акторов действующих правил, которые в свою очередь взаимосвязаны с социальными контекстами.

Нарративы и социальные контексты

Социальный контекст имеет фундаментальное значение для понимания эволюции институтов. В нарративах через объяснение социального действия отражаются многообразные условия, которые сопутствуют пониманию политических процессов [Tilly, Goodin, 2006] или иных социальных взаимодействий.

Как уже отмечалось, нарративы могут содержать причинно-следственное объяснение событий или социальных феноменов. Такие нарративы, согласно подходу Р. Шиллера, можно отнести к упрощённым протомоделям, объясняющим для широкого круга населения важные и актуальные социальные закономерности. Однако не менее важным аспектом нарративов является предоставление и передача через социальные взаимодействия информации и знаний о социальных контекстах.

Социальные контексты часто упоминаются при анализе экономических и институциональных изменений. Большое внимание проблеме социальных контекстов уделяет

Д. Норт: «Расширенное определение того, как индивидуальные убеждения взаимодействуют с социальным контекстом, дает нам набор механизмов, при помощи которых культура и социальные институты более непосредственным образом проникают в объяснение экономических изменений. Мы можем осмыслять противоречивые особенности обществ вроде исламских стран или западного мира лишь в терминах досконального исследования взаимодействия между развивающимися системами убеждений и их социальными контекстами» [Норт, 2010. С. 61].

Поведенческие науки, включая экономическую и политическую, формируют аналитические нарративы, которые дают общее объяснение, например, экономического человека или медианного избирателя. Переходя от абстрактного моделирования к сравнительным исследованиям социальных порядков, необходимо учитывать и анализировать культурный, языковой и исторический контексты [Руде, 2006. Р. 804].

Поэтому исследования социального контекста по определению являются междисциплинарными. Социальный контекст — это совокупность релевантных для исторического периода ценностей, правил и паттернов, которые акторы в имплицитной и эксплицитной форме используют для совершения взаимодействий в рамках общественного порядка. Д. Норт так описывает социальную среду: «Среда, которая окружает человека, — это набор правил, норм, конвенций и способов поведения, созданных человеком и определяющих структуру отношений между людьми. Эта среда разделяется специалистами по социальной науке на различные сегменты, изучаемые такими науками, как экономика, политология, социология. Но конструкции человеческого сознания, в которых мы нуждаемся для того, чтобы осмыслять окружающую среду, не совпадают с этими искусственными категориями. Наш аналитический каркас должен интегрировать результаты этих искусственно разделённых дисциплин, если мы хотим понимать процесс изменений» [Норт, 2010. С. 25-26]. Можно сказать, что социальный контекст — это то, что формирует познавательные и деятельностные возможности индивида, что Дж. Ходжсон назвал нисходящей преобразующей причинной связью [Hodgson, 2003].

Важнейшими аспектами для социального контекста являются его эволюционность, историчность и специфичность, связанные с культурными особенностями и траекторией развития хозяйственного порядка. Через нарративы мы получаем своеобразный «снимок» социальной ситуации. Интерпретация влияния социального контекста на повторяющиеся взаимодействия индивидов дополняет объяснительные модели. Также с помощью исследований социальных контекстов можно получить информацию о различных поведенческих паттернах, распространенных в специфических исторических и культурных условиях. Безусловно, охватить всё разнообразие влияния социальных контекстов на поведение акторов очень сложно и затратно. Поэтому, исходя из целей проводимых исследований, рассматриваются те условия и характеристики среды, которые сами акторы в нарративах и дискурсах считают наиболее релевантными.

Нарративы о российской инновационной системе

Большинство экономистов-исследователей не очень любят говорить и писать о вопросах методологии [Тамбовцев, 2018]. Главная причина такого отношения к методологии коренится в слабой связи работ методологов науки с конкретными инструментальными исследовательскими подходами. Методология нарративной экономики также может попасть в ловушку теоретизирования или, что еще хуже, в ловушку очень затратного и очень малоинформативного и всё усложняющегося формального моделирования влияния нарративов на экономические процессы. Как хорошо в свое время выразился нобелевский лауреат П. Кругман, существует большой соблазн принять «красоту моделирования за истину».

Для развития нарративной экономики очень важно, чтобы исследования в рамках этого нового научного направления могли масштабироваться и воспроизводиться в различных социальных порядках и в различных экономических сферах и отраслях. И на этом пути, вполне вероятно, возникнут значимые барьеры и ограничения. Во-первых, для анализа нарративов нужны данные, и такие данные не всегда находятся в открытом доступе. Дороговизна или недоступность больших данных о нарративах и их распространении являются, наверно, одними из самых значимых барьеров. Преодоление этих барьеров возможно через доступные открытые источники анализа текстов, например, Google Ngram.

Исходя из тенденций последних десятилетий эволюции экономического мейн-стрима, следующим вполне логичным барьером может стать самоусложняющееся моделирование ради красоты и сложности моделирования. Исходя из того, что определить грань между релевантным и избыточным формальным моделированием довольно сложно, можно попытаться найти выход в поощрении альтернативных и дополняющих моделирование направлений исследований.

Самым сложным и трудоёмким в исследовании нарративов является их качественный анализ и интерпретация. Безусловно, существующие программные продукты анализа текстов здесь могут сильно помочь, однако нельзя недооценивать значимость полевых исследований и работы непосредственно с акторами, которые являются рассказчиками нарративов. Однако сбор фактов, которые содержатся в нарративах, не только связан с анализом и обобщениями при создании теорий. При создании теорий и выборе между ними наиболее релевантных для объяснения тех или иных процессов также необходимо выходить за пределы фактов в область интерпретации [Whalen, 2021. P. 259].

Ниже приводится пример качественного анализа нарративов о российской инновационной системе. Массив нарративов о российской инновационной системе был получен путем последовательного отбора 43 источников (СМИ и интернет-ресурсов) по рейтингу компании «Медиалогия»: «Федеральные СМИ: 2020 год». Полные тексты статей были получены с помощью электронной базы данных периодических источников информации «Интегрум». Временной период для поиска нарративов был выбран с 1 января 2010 г. по 1 июля 2021 г. В результате поиска отобрано 33491 статей (без перепечаток). Далее в ходе анализа отобранных текстов было выявлено 1149 нарративов, которые используются для качественного анализа.

Качественный анализ нарративов о российской инновационной системе (РИС) позволил сделать несколько важных обобщений. На первом этапе систематизации нарративов из средств массовой информации и интернет-источников были выделены шесть ключевых проблем, о которых говорят акторы инновационной системы. Эти шесть проблем представлены в табл. 1.

Таблица 1
Центральные проблемы РИС

№ п/п	Центральные проблемы РИС, выявленные через анализ нарративов	Количество
1	Государственное управление инновационной деятельностью	295
2	Выбор тематики и направлений исследований	292
3	Спрос на инновации	229
4	Институциональная структура и конкурентная среда для инноваций	202
5	Проблема кадров для исследовательской и инновационной деятельности	80
6	Проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью	51

Источник: составлено автором в ходе исследования.

Дальнейший анализ каждой из проблем позволил определить тональность нарративов по каждой из ключевых проблем. Определение тональности нарративов о российской инновационной системе проводилось в ручном режиме на основе методологии анализа эмотивных конструкций [Тоганова, Тихомиров, Каменская, Храмоин, 2016]. Например, по ключевой проблеме, связанной с интеллектуальной собственностью, 43% отобранных нарративов имеют нейтральную тональность, 35% негативную и только 22% позитивную. Примечательно, что со стороны представителей академического сообщества отношение к проблеме интеллектуальной собственности или негативное, или нейтральное (табл. 2).

Таблица 2
Тональность нарративов об интеллектуальной собственности, %

Акторы	Отношение к проблеме интеллектуальной собственности		
	негативное	нейтральное	позитивное
Государство	12,50	17,86	12,50
Бизнес	17,86	14,29	7,14
Академия	10,71	7,14	0,00

Источник: составлено автором в ходе исследования.

Это можно объяснить специфической структурой стимулов. Например, патенты в российских вузах рассматриваются как предмет для отчётности или достижения поставленных показателей, а не в плане их использования для создания и производства новых инновационных продуктов. Более того, акторы, представляющие академию, говорят о запретительно высоких транзакционных издержках, прежде всего связанных с бюрократическими механизмами и нежеланием брать ответственность представителей регулирующих структур при выдаче разрешений на использование патентов [Вольчик, 2021]. Поэтому институты, связанные с интеллектуальной собственностью, не играют существенной роли в развитии российской инновационной системы, так как не связаны с формированием сильных стимулов для акторов в плане создания и внедрения инновационных продуктов. Ситуация, сложившаяся в рамках РИС с использованием интеллектуальной собственности, приводит к тому, что российские компании предпочитают не патентовать, а скрывать свои разработки из открытого доступа. Также недостаточная международная патентная защита российских патентов создаёт неблагоприятные условия для их использования. Это можно проиллюстрировать тем, что патентная система России соответствует уровню развитых стран, но внедрение запатентованной инновации в производство значительно отстаёт и сталкивается со значительными барьерами [Ширяев, Маскаев, Цыганков, 2022. С. 290].

Комплексный анализ всего массива отобранных нарративов и современной научной литературы позволил также сформулировать три фундаментальных условия и две предпосылки для запуска инновационного развития в рамках хозяйственного порядка. Такими условиями являются: экономическая и политическая устойчивость, предпринимательская инициатива и механизмы возрастающей отдачи. Наряду с указанными условиями должны также выполняться две предпосылки: формирование рыночной инфраструктуры и развитие образования и науки [Вольчик, 2022]. Если не выполняется хоть одно из названных условий, инновационная система начинает стагнировать, а в среднесрочном периоде необратимо деградировать и разрушаться. Создание инновационной системы в СССР было осуществлено без выполнения второго условия — предпринимательской инициативы, так как рынки и предпринимательство фактически отсутствовали. Но проблемы плановой экономики стали фатальными и для инновационной системы. Однако существуют примеры, когда на основе удачных реформ создаются условия для инновационного развития в ходе

реформирования плановой экономики. Таким примером может служить социалистическая рыночная экономика Китайской народной республики, в рамках которой создана мощная и развивающаяся инновационная система.

Несколько заключительных замечаний

Нарративная экономика продолжает традиции исследования экономических проблем, заложенные институциональной экономикой. И хотя родоначальники нарративной экономики Дж. Акерлоф и Р. Шиллер не делают прямых отсылок к работам институциональных экономистов, они в неявной форме частично воспроизводят исследовательские подходы преимущественно оригинального институционализма.

Самое главное отличие нарративной экономики от институциональной заключается в том, что нарративы рассматриваются как способы трансляции в обществе идей или упрощённых экономических протомоделей, которые акторы используют при осуществлении экономического выбора. Идеи или протомодели имеют отличие от норм и правил, хотя в ходе институционализации и могут служить причиной создания институтов. Можно согласиться с В. Тамбовцевым, что наиболее релевантным является понимание идей как «причинных убеждений — убеждений относительно соотношения причин и результатов, которые получают всеобщее признание на основе разделяемого консенсуса признаваемых элит» [Тамбовцев, 2019. С. 28]. Если рассматривать идеи как соотношение причин и результатов, то нарративы представляют собой благоприятную для человеческого восприятия форму передачи в сообществах объяснений причинных связей. Важность изучения вирусности таких объясняющих нарративов и подчеркивается нарративной экономикой.

Ещё одним важным достижением нарративной экономики является то, что она обращает внимание на тот факт, что распространяемые через нарративы объяснения причинных связей и описания социальных контекстов не соответствуют объективным реалиям [Вольчик, 2021. С. 68]. Однако несоответствие нарративов реальности может изменять эту реальность в среднесрочном периоде через изменения поведения акторов, а также влияния на меры проводимой социально-экономической политики.

Нарративная экономика является ещё одной попыткой обратить внимание на важность не только количественных, но и качественных исследований в экономической теории. Нарративы, которые с распространением цифровых технологий начали создаваться и циркулировать гораздо быстрее, являются важным источником качественных данных. Тем более, что такие качественные данные становятся доступнее благодаря созданию интеграторов средств массовой информации и интернет-источников.

Важным аспектом нарративной экономики стал «сторителлинг» как способ создания и продвижения теорий в условиях их конкуренции в рамках научного сообщества. Парадоксальным образом развитие информационных технологий способствует более органичному сочетанию количественных и качественных методов в эволюционирующей экономической науке.

Количественные исследования нарративов в основном посвящены выявлению связей между двумя типами переменных: связанных со степенью распространения и вирусности нарративов с одной стороны, и динамикой экономических переменных, которые связаны, например, с бизнес-циклом — с другой [Bertsch, Hull, Zhang, 2021]. Такой подход полностью повторяет логику Р. Шиллера [Shiller, 2019] и может быть развит с использованием новых баз нарративов и постановки новых задач по выявлению связи между нарративами и макроэкономической динамикой в её различных аспектах.

Наименее разработанным в рамках нарративной экономики в данный момент является качественное направление. Качественное направление более междисциплинарно, чем

количественное, что открывает широкие перспективы для кооперации и сотрудничества с представителями других социальных наук. Отличие качественного направления нарративной экономики от других социальных наук, основывается прежде всего на предмете экономической теории. Нарративы должны рассматриваться прежде всего как релевантные факторы, влияющие на экономический выбор. В этом контексте роль нарративов похожа на роль институтов при анализе экономического выбора. Поэтому сложности, с которыми неизбежно столкнётся качественное направление нарративной экономики, будут аналогичны сложностям институциональной экономической теории, особенно в ее оригинальном варианте. Если экономические порядки представляют собой неэргодические системы, то возникает необходимость изучения истории и эволюции таких систем [Норт, 2010].

Нарративная экономика расширяет наш набор исторически обусловленных поведенческих паттернов, а также понимания, почему они и связанные с ними институты в определённых этапах исторической эволюции перестают эффективно функционировать. Фактически с помощью нарративов мы попадаем в область индуктивного мышления по Б. Артуру, что приводит к «богатому психологическому миру, в котором идеи или ментальные модели одних агентов конкурируют за выживание с идеями или ментальными моделями других агентов» [Arthur, 1994. P. 411]. Обобщения, полученные с помощью анализа нарративов, должны быть предметом дискуссий как научных, так и общественных, чтобы предотвращать ситуации циклического повторения функционирования неэффективных институциональных структур в отдельных отраслях и в целом в экономике. Исследования нарративов, релевантных для разнообразных экономических процессов, поэтому не только связаны с выделением «объективных фактов», но, что не менее важно, с их интерпретацией в разнообразных контекстах идей или интересов, влияющих на экономическое поведение.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин, В. М., Измайлов, И. В., Лячин, А. В., Пойзнер, Б. Н. (2019). Диссертация как научный нарратив // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Физика. № 19. Т. 4. С. 317–326.
- Вольчик В.В. (2021). Дискурсы о социальных барьерах российской (контр)инновационной системы: реальность или нарратив? // Социологические исследования. №10. С. 61–71.
- Вольчик В.В. (2022). Фундаментальные условия инновационного развития экономики // Journal of Economic Regulation. Т. 13. №2. С. 6–21. DOI: 10.17835/2078-5429.2022.13.2.006-021
- Ефимов В. (2007). Об интерпретативной институциональной экономике. — М.: ИЭ РАН.
- Ефимов В. М. (2016). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. — М.: Курс.
- Кейнс Дж. М. (2007). Общая теория занятости, процента и денег. - М.: Эксмо.
- Коллиер П. (2021). Будущее капитализма. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Кутковая Е. С. (2014). Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. № 4. Т.16. С. 23–33.
- Лехциер В. Л. (2013). Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. № 1. Т.10. С. 5–8.
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. — М.: ИД ГУ ВШЭ.
- Тамбовцев В. Л. (2018). Какая экономическая методология может быть интересна экономистам? // Экономическая теория: триумф или кризис. — СПб.: АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр». С. 104–116.
- Тамбовцев В. Л. (2019). Идеи и интересы, экономическая политика и институты // Вопросы экономики. №5. С. 26–45. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-26-45>
- Тамбовцев В. Л. (2019). Идеи, нарративы и изменения в экономике // Terra Economicus. №17. Т.1. С. 24–40. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-24-40
- Тоганова Н.В., Тихомиров И.А., Каменская М.А., Храмоин И.В. (2016). Технологии и инновации в российских СМИ // Инновации. № 10 (216). С. 110–118.

- Троцук И. В. (2004). Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. №6-7. С. 56-74.
- Ширяев И. М., Маскаев А. И., Цыганков С. С. (2022). Институт интеллектуальной собственности в контексте развития российской инновационной системы // Russian Journal of Economics and Law. №. 16. Т. 2. С. 275-293. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.275-293>
- Akerlof G. A., Shiller R. J. (2010). *Animal spirits: How human psychology drives the economy, and why it matters for global capitalism*. — Princeton: Princeton University Press.
- Akerlof G. A., Snower D. J. (2016). Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*. No. 126. Pp 58-71. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>
- Arthur W. B. (1994). Inductive reasoning and bounded rationality // *American economic review*. Vol. 84. No. 2. Pp. 406-411.
- Arthur W.B. (2013). *Complexity economics: a different framework for economic thought*. Complexity Economics. — Oxford: Oxford University Press.
- Bertsch C., Hull I., Zhang X. (2021). Narrative fragmentation and the business cycle // *Economics Letters*. No. 201. 29 p.
- Collier P. (2016). The cultural foundations of economic failure: A conceptual toolkit // *Journal of Economic Behavior & Organization*. No. 126. Pp. 5-24. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.017>
- Dwyer R., Emerald E. (2017). *Narrative Research in Practice: Navigating the Terrain* // *Narrative Research in Practice* / R. Dwyer, I. Davis, E. Emerald (eds). — Singapore: Springer.
- Ferguson-Cradler G. (2021). Narrative and computational text analysis in business and economic history // *Scandinavian Economic History Review*. Pp. 1-25. <https://doi.org/10.1080/03585522.2021.1984299>
- Graeber D. (2015). *The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy*. — Brooklyn: Melville House.
- Hodgson G. M. (2003). The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory // *Cambridge Journal of Economics*. No. 27. Vol. 2. Pp. 159-175. <https://doi.org/10.1093/cje/27.2.159>
- Kreiwirth M. (1992). Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Sciences // *New Literary History*. No. 23. Vol. 3. Pp. 629. <http://doi.org/10.2307/469223>
- Krugman P., Wells R., Olney M. (2011). *Essentials of Economics*. — New York and Basingstoke: Worth Publishers.
- North D. C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. — Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400829484>
- Nureev R., Volchik V., Strielkowski W. (2020). Neoliberal Reforms in Higher Education and the Import of Institutions // *Social Sciences*. No. 9. Vol.5. 79 p. <https://doi.org/10.3390/socsci9050079>
- Oosthuizen A. M., Inglesi-Lotz R. (2022). The impact of policy priority flexibility on the speed of renewable energy adoption // *Renewable Energy*. No. 194. Pp. 426-438. <https://doi.org/10.1016/J.RENENE.2022.05.136>
- Pye L. (2006). *The Behavioral Revolution and the Remaking of Comparative Politics* // *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. — Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/OXFORDHB/9780199270439.003.0042>
- Richter R. (2016). Whither “New Institutional Economics”? // *European Business Organization Law Review*. No. 17. Vol.4. Pp. 541-554. doi:10.1007/s40804-016-0057-8
- Rutherford M. (2012). Field, Undercover, and Participant Observers in US Labor Economics: 1900-1930 // *History of Political Economy*. No. 44 (Supplement 1). Pp. 185-205. <https://doi.org/10.1215/00182702-1631833>
- Shiller R. J. (2017). Narrative Economics // *American Economic Review*. No. 107. Vol. 4. Pp. 967-1004. <http://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>
- Shiller R. J. (2019). Narratives about technology-induced job degradation then and now // *Journal of Policy Modeling*. No. 41. Vol. 3. Pp. 477-488. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.03.015>
- Shiller R. J. (2019b). *Narrative Economics*. — Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf0jm5>
- Tilly C., Goodin R. E. (2006). *It Depends*. // *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. — Oxford: Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/OXFORDHB/9780199270439.003.0001>
- Whalen C. J. (2021). Storytelling and institutional change: The power and pitfalls of economic narratives // *Institutional Economics: Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Pp. 247-270. <https://doi.org/10.4324/9781003160434-13>
- Wrenn M. V. (2021). Myth busting: Institutional economics and mythopoetics // *Institutional Economics: Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Pp. 225-246. <https://doi.org/10.4324/9781003160434-12>

Вольчик Вячеслав Витальевич
volchik@sfedu.ru

Volchik Vyacheslav

Dr. Sc. (Econ.), Head of Economic Theory Dept. Southern Federal University (Rostov-on-Don)
volchik@sfedu.ru.

TO THE ISSUE OF THE THEORY AND METHODOLOGY OF NARRATIVE ECONOMICS⁵

Abstract. The article analyzes the development of the theory and methodology of a new scientific branch - narrative economics. The relation between narrative economics and various institutional economics streams is demonstrated. It is established that a simplified interpretation of the concept of narrative is accepted within the framework of economics in comparison to other social sciences. It is related to the subject of economics and operational capabilities of the economic processes study. Shiller's, Akerlof's, Snower's and Collier's approaches to the definition of narratives are generalized and two narrative analysis approaches are identified including quantitative and qualitative ones. The quantitative approach implies the analysis of narratives virality and its correlation with economic dynamics. The qualitative approach is aimed at identifying ideas and protomodels, which are used by actors in order to explain causal relationships, and at analyzing the social context as a set of the institutional environment characteristics, respective historical and cultural conditions and behavioral patterns. An example of narrative economics qualitative approach to the analysis of the Russian innovation system is given. The case of particular narratives about patents demonstrates how narratives tone allows researchers to interpret the influence of intellectual property institutions on the development of the Russian innovation system. It is noted that narratives can influence the transformation of conditions by changing actors' behavior and measures of the pursued social and economic policy. The analysis of generalizations obtained during narratives study is also suitable in terms of preventing the cyclical repetition of the inefficient institutional structures functioning.

Keywords: *narrative economics, new institutional economics, original institutional economics, ideas, protomodels, social context, Russian innovation system.*

JEL: B52, O30, Z13.

REFERENCES

- Akerlof G. A., Shiller R. J. (2010). *Animal spirits: How human psychology drives the economy, and why it matters for global capitalism*. — Princeton: Princeton University Press.
- Akerlof G. A., Snower D. J. (2016). Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*. No. 126. Pp 58–71. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>
- Anikin V.M., Izmajlov I.V., Lyachin A.V., Pojzner B.N. (2019). Dissertaciya kak nauchnyj narrativ [Thesis as a scientific narrative] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Fizika*. No. 19. Vol. 4. Pp. 317-326. (In Russ.).
- Arthur W. B. (1994). Inductive reasoning and bounded rationality // *American economic review*. Vol. 84 No. 2. Pp. 406-411.
- Arthur W.B. (2013). *Complexity economics: a different framework for economic thought*. *Complexity Economics*. — Oxford: Oxford University Press.
- Bertsch C., Hull I., Zhang X. (2021). Narrative fragmentation and the business cycle // *Economics Letters*. No. 201. 29 p.
- Collier P. (2016). The cultural foundations of economic failure: A conceptual toolkit // *Journal of Economic Behavior & Organization*. No. 126. Pp. 5–24. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.017>
- Collier P. (2021). *Budushchee kapitalizma* [The future of capitalism: Facing the new anxieties]. — M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. (In Russ.).
- Dwyer R., Emerald E. (2017). Narrative Research in Practice: Navigating the Terrain // *Narrative Research in Practice* / R. Dwyer, I. Davis, E. Emerald (eds). — Singapore: Springer.
- Efimov V. (2007). *Ob interpretativnoj institucional'noj ekonomike* [On Interpretive Institutional Economics]. — M.: IE RAN. (In Russ.).
- Efimov V. M. (2016). *Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inye metodologiya, istoriya i issledovatel'skie praktiki* [Economic science questionable: others methodology, history and research practitioners]. — M.: Kurs. (In Russ.).
- Ferguson-Cradler G. (2021). Narrative and computational text analysis in business and economic history // *Scandinavian Economic History Review*. Pp. 1-25. <https://doi.org/10.1080/03585522.2021.1984299>
- Graeber D. (2015). *The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy*. — Brooklyn: Melville House.

⁵ This work has been supported by the Russian Science Foundation, RSF 21-18-00562 “Developing the national innovation system in Russia in the context of narrative economics”.

- Hodgson G. M. (2003). The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory // *Cambridge Journal of Economics*. No. 27. Vol. 2. Pp. 159–175. <https://doi.org/10.1093/cje/27.2.159>
- Keynes J. M. (2007). *Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money]. — M.: Eksmo. (In Russ.).
- Kreiswirth M. (1992). Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Sciences // *New Literary History*. No. 23. Vol. 3. Pp. 629. <http://doi.org/10.2307/469223>
- Krugman P., Wells R., Olney M. (2011). *Essentials of Economics*. — New York and Basingstoke: Worth Publishers.
- Kutkovaya E. S. (2014). Narrativ v issledovanii identichnosti [Narrative in the study of identity] // *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. No. 4. Vol.16. Pp. 23–33. (In Russ.).
- Lekhsier V. L. (2013). Narrativnyj povorot i aktual'nost' narrativnogo razuma [Narrative Turn and the Actuality of the Narrative Mind] // *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury*. No. 1. Vol.10. Pp. 5–8. (In Russ.).
- North D. (2010). *Ponimanie processa ekonomicheskikh izmenenij* [Understanding the process of economic change]. — M.: ID GU VShE. (In Russ.).
- North D. C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. — Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400829484>
- Nureev R., Volchik V., Strielkowski W. (2020). Neoliberal Reforms in Higher Education and the Import of Institutions // *Social Sciences*. No. 9. Vol.5. 79 p. <https://doi.org/10.3390/socsci9050079>
- Oosthuizen A. M., Inglesi-Lotz R. (2022). The impact of policy priority flexibility on the speed of renewable energy adoption // *Renewable Energy*. No. 194. Pp. 426–438. <https://doi.org/10.1016/J.RENENE.2022.05.136>
- Pye L. (2006). The Behavioral Revolution and the Remaking of Comparative Politics // *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. — Oxford: Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/OXFORDHB/9780199270439.003.0042>
- Richter R. (2016). Whither “New Institutional Economics”? // *European Business Organization Law Review*. No. 17. Vol. 4. Pp. 541–554. doi:10.1007/s40804-016-0057-8
- Rutherford M. (2012). Field, Undercover, and Participant Observers in US Labor Economics: 1900-1930 // *History of Political Economy*. No. 44 (Supplement 1). Pp. 185–205. <https://doi.org/10.1215/00182702-1631833>
- Shiller R. J. (2017). Narrative Economics // *American Economic Review*. No. 107. Vol. 4. Pp. 967–1004. <http://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>
- Shiller R. J. (2019). Narratives about technology-induced job degradation then and now // *Journal of Policy Modeling*. No. 41. Vol. 3. Pp. 477–488. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.03.015>
- Shiller R. J. (2019b). Narrative Economics. — Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf0jm5>
- Shiriaev I. M., Maskaev A. I., Tsygankov S. S. (2022). Institut intellektual'noj sobstvennosti v kontekste razvitiya rossijskoj innovacionnoj sistemy [Institute of intellectual property in the context of the Russian innovative system development] // *Russian Journal of Economics and Law*. No. 16. Vol. 2. Pp. 275–293. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.275-293>. (In Russ.).
- Tambovtsev V. L. (2018). Kakaya ekonomicheskaya metodologiya mozhet byt' interesna ekonomistam? [What kind of Economic Methodology Can Be Interesting for the Economists?] // *Ekonomicheskaya teoriya: triumf ili krizis*. — SPb.: ANO «MCSEI «Leont'evskij centr» - Pp. 104–116. (In Russ.).
- Tambovtsev V. L. (2019). Idei i interesy, ekonomicheskaya politika i instituty [Ideas and interests, economic policy and institutions] // *Voprosy ekonomiki*. No. 5. Pp. 26-45. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-26-45>. (In Russ.).
- Tambovtsev V. L. (2019). Idei, narrativy i izmeneniya v ekonomike [Ideas, narratives and economic change] // *Terra Economicus*. No.17. Vol.1. Pp. 24–40. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-24-40. (In Russ.).
- Tilly C., Goodin R. E. (2006). It Depends. // *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. — Oxford: Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/OXFORDHB/9780199270439.003.0001>
- Toganova N.V., Tikhomirov I.A., Kamenskaya M.A., Khramoin I.V. (2016). Tekhnologii i innovacii v rossijskikh SMI [Technologies and innovations in Russian media] // *Innovacii [Innovations]*. No. 10 (216). P. 110-118 (in Russ.).
- Trotsuk I.V. (2004). Narrativ kak mezhdisciplinarnyj metodologicheskij konstrukt v sovremennyh social'nyh naukah [Narrative as an interdisciplinary methodological construct of contemporary social science] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya*. No. 6-7. Pp. 56-74. (In Russ.).
- Volchik V. (2021). Diskursy o social'nyh bar'erah rossijskoj (kontr)innovacionnoj sistemy: real'nost' ili narrativ? [Discourses on social barriers to developing Russian (contra)innovation system: Reality or narrative?] // *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 10. Pp. 61–71. <https://doi.org/10.31857/S013216250016089-0>. (In Russ.).
- Volchik V.V. (2022). Fundamental'nye usloviya innovacionnogo razvitiya ekonomiki [Fundamental conditions for innovative development of the economy] // *Journal of Economic Regulation* Vol. 13. No. 2. Pp. 6-21 (in Russ.). DOI: 10.17835/2078- 5429.2022.13.2.006-021
- Whalen C. J. (2021). Storytelling and institutional change: The power and pitfalls of economic narratives // *Institutional Economics: Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Pp. 247–270. <https://doi.org/10.4324/9781003160434-13>
- Wrenn M. V. (2021). Myth busting: Institutional economics and mythopoetics // *Institutional Economics: Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Pp. 225–246. <https://doi.org/10.4324/9781003160434-12>